

УДК 82.09

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-184-186

ИСАКОВА Алла Наумовна,
Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия
isakova.alla@mail.ru

Alla N. ISAKOVA,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia
isakova.alla@mail.ru

МОТИВЫ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ЛИРИКЕ С. КУНЯЕВА

CAUSES OF MEMORY AND FORGETFULNESS IN KUNYAEV'S LYRIC

В статье подчеркивается, что стремление оживить прошлое есть глубинная потребность поэтической природы. Для русской поэтической классики характерны феномены памяти и забвения. Чем более зрелым становится поэт, тем более усиливается его привязанность к прошлому. Память сердца жизнотворна, пленительна, а память рассудка отрезвляет и разочаровывает, истребляет вдохновляющие иллюзии. Память сердца – источник сентиментального пафоса в лирике С. Куняева. Память у С. Куняева не только удерживает, сохраняет прошлое, но и открывает в нем, а также в настоящем новые смыслы, новые перспективы. Поэт ценит те ощущения и переживания, которые проникли в его душу с детства, а то и с младенчества. Изначальные слова, чувства, побуждения могут вытесняться из сферы рациональных ориентиров и активной воли, но в какой-то сокровенный момент жизни память воскрешает их; и выясняется, насколько они насущны. Память в лирике С. Куняева способна воскрешать прошлое не только духовно, внутренне, но и признавать это прошлое реально воспроизведенным в чужом опыте, в чужой судьбе.

Герой С. Куняева переживает благодатное состояние человека, возвратившегося к моменту первородства, ко «дню сотворения». Это достигается отнюдь не примитивной забывчивостью и беспамятством, а неким метафизическим усилием, метафизической процедурой забвения. В своем творчестве С. Куняев утверждает великую энергию памяти, ее эмоционально-психологический потенциал. В феноменах памяти и в феноменах забвения перед нами открывается подлинное ядро эстетики и мировоззрения С. Куняева.

Ключевые слова: Куняев, сентиментальный пафос, память сердца, память рассудка, элегия, чужой опыт и чужое сознание, мотив забвения.

This article advertises that the tendency to revive the past is a deep requirement of poetic being. The phenomenon of memory and forgetfulness is a peculiarity of Russian poetry. The more the poet becomes mature, the more intensify his attachment to the past. The heart's memory is life-giving and fascinating, but the mind's memory is sobering and disappointing and destroys the inspiring illusion. Heart's memory is a fount of sentimental pathos in Kunyayev's lyric. Kunyayev's memory not only holds and retains the past but also opens the new meanings and promises in it and in the present both. The poet appreciates the feelings and emotions that empathize into his soul from the childhood or from his infancy. The original words, feelings and motives can be displaced from the sphere of the efficient marks and living will, but at some internal moment of life the memory revives they and you find out that they are relevant. Kunaev's memory is able to revive the past not only spiritually and internally, but it can also recognize that the past reproduced in a strange experience and destiny. Despite of this Kunyayev's hero experiences the gracious human condition which returns to the primogeniture moment, to the day of creation. That achieves by metaphysical efforts and metaphysical forgetfulness manipulation and not because of primal oblivion and delirium. S. Kunaev in his works approves the great energy of memory, its emotional and psychological potential. The genuine core of Kunaev's esthetics and ideology opens before us in the phenomena of memory and forgetfulness.

Keywords: Kunyayev, sentimental pathos, heart's memory, head's memory, elegy, vicarious experience and consciousness, causes of forgetfulness

Мотив памяти и мотив забвения чрезвычайно характерны для русской поэтической классики. К.Н. Батюшков писал: «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной» [1, с. 54]. Память сердца – животворный источник сентиментального пафоса в произведениях С. Куняева. Поэт ценит те ощущения и переживания, которые проникли в его душу с детства, а то и с младенчества. Изначальные слова, чувства, побуждения могут вытесняться из сферы рациональных ориентиров и активной воли, но в какой-то сокровенный момент жизни память воскрешает их. В стихотворении «Слово» (1968) С. Куняев размышляет и о памяти сердца, и о том, «как много душа позабыла событий, людей, голосов» [2, с. 38].

Забвение – результат невольной слабости человека, но и не только. Поэт с опровергающей иронией пишет о приверженцах прогресса и фанатиках новейших веяний. Сам он категорически против того, чтобы одержимо «стараться в угоду минуте, спешить за временем вслед» [2, с. 38]. Для С. Куняева важны плоды и «ума холодных наблюдений», «и сердца горестных замет» (А.С. Пушкин). Но заметам сердца, как горестным, так и счастливым, он отдает предпочтение. Они надежнее и прозорливее.

Любование чистотой и безгрешностью ребенка – почти всеобщее переживание людей. А вот память о собственной младенческой чистоте и безгрешности – редкостное переживание, которым, видимо, награждается только подлинный поэт. В стихотворении «Прилег, позабылся и стал вспоминать» (1963) раскрывается уникальное, восхитительное переживание. Поэт пишет: «...и стало казаться – баюкает мать меня в полутьме, в полудреме» [2, с. 86]. Лирический герой представлен в двух ипостасях: младенцем, еще не обретшим сознания, еще не мотивированным никакими интересами и страстями; и взрослым человеком, имеющим представление о «коварстве, любви и страданье». Но взрослый человек просветлен, очищен памятью о своем младенчестве. Он переживает настоящий катарсис. В стихотворении дважды используется образ

колыбели: сначала это колыбель младенца («я просто лежу в колыбели»), а в финале – это колыбель, вновь обретенная личностью, преображенной воспоминаниями («а море качает мою колыбель и в детство меня возвращает»). Эта святая колыбель, сбереженная памятью, превышает свое исходное значение и прочно связывает лирического героя с матерью, с детством, с неизмеримо огромной жизнью. И как верно подметила Л. Баранова-Гонченко, «здесь полное внутреннее согласие, ясность и прозрачность взаимно преданных отношений» [3, с. 8]. Память у С. Куняева не только удерживает, берегает прошлое, но и открывает в нем, а также в настоящем новые смыслы, новые перспективы.

Это позволяет С. Куняеву приурочить, приживить собственное прошлое к чужому настоящему. Одна из отличительных черт лирического героя С. Куняева – его способность чужое ощущать, как собственное, как интимное. Это благодатное чувство лирический герой испытывает, например, в стихотворении «Мальчик» (1971). И младенец из предыдущего стихотворения, и мальчик выведены из сферы уюта. Знаменательно, что мальчик «домой не идет» [2, с. 100]. И мальчик, и младенец проникаются стихиями мира, в упоении соприкасаются с ними. Отсюда сюжетно не подготовленный, но философски мотивированный образ-символ моря в первом стихотворении («Море качает мою колыбель»). Отсюда же образ-символ костра в стихотворении «Мальчик». Костер здесь имеет не столько бытовое, сколько философское значение. Огонь – это стихия грозная и очистительная, губительная и спасительная. Это одно из предельных оснований бытия. Замечая, что «мальчик захмелел от весенней теплыни», [2, с. 100] С. Куняев отгадывает, что мальчик охвачен чувством упоения, так как он ощущает таинственную причастность миру, ощущает свою единственность с миром. Ребенок невзначай открыл это в себе, а лирического героя пронзает чувство тождества с этим юным человеком, «этим миру неизвестным отроком, вечным мальчиком, ... тайным двойником» [2, с. 100] лирического героя. Таким образом, память в лирике С. Куняева способна воскрешать прошлое не только духовно, внутренне, но и признавать это прошлое реально воспроизведенным в чужом опыте, в чужой судьбе.

В своих представлениях о памяти С. Куняев далек от прекраснотушных иллюзий. И справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, что «в русской поэзии слова в цепочке *память – душа – жизнь* связаны между собой так тесно, что сама память персонифицируется, выступает как нечто живое, которое может заговорить» [4, с. 90]. Память может пригвоздить человека к пережитой катастрофе и лишит его всяких надежд и перспектив. Именно об этом идет речь в стихотворении «Что ни делай – а жертве насилья» (1975). Для героини стихотворения центром судьбы и личности становится память о пережитом надругательстве над ее душой и телом. Если в стихотворении «Мальчик» чужой опыт и чужое сознание жизнотворны, то в данном стихотворении они, наоборот, разрушительны. С. Куняев противопоставляет рационалистически признаваемую норму о святости страдания и произвольно возникающие у людей предубеждение, безразличность к невинной жертве насилия. Перевес оказывается на стороне предубеждения и безразличности. И дело не только в нравственной испорченности людей, в том, что им приятно чужое падение и чужой позор (мысль Ф.М. Достоевского), а в цепкости, неистребимости памяти. Не только люди в своей бесчувственности и немилосердии подозревают, «словно связана чем-то постыдным истязуемая с палачом», но и сама потерпевшая «глядит на людей виновато, словно чем-нибудь заклеимена» [2, с. 217]. Память не освобождает, не дает облегчения. Но этот жестокий закон жизни во многих обстоятельствах действует как мудрый и оправданный. «Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти» [5, с. 160-161].

В стихотворении «Мать пьет снотворное» (1975) соотносятся юношеское требование забвения родительского опыта с произвольной, неистребимой привязанностью его матери к своему прошлому. Воспоминания матери сын свысока оценивает как «искусственные сны» [2, с. 109]. Но для матери настоящая «жизнь опостылела вконец, а молодые сны – отрада». Намерения и усилия женщины направлены на то, чтобы воскресить в памяти молодого мужа, но ее сознание оживляет жестокие картины войны, ее работу фронтового хирурга. Сын предлагает матери заместить ее воспоминания покоем и безмятежностью, предлагает «дышать весенними ветрами», «послушать, как журчат потоки» [2, с. 110]. Но мать не может оторваться от трагического зрелища, когда «один без ног, другой без рук, а третий, раненный навывлет, кричит... Спаси его, хирург! Ты – Бог» [2, с. 109]. Мольба о спасении, заклинания о спасении звучат в сознании героини не от имени раненого бойца, а как бы от имени мироздания, вселенной. В это воззвание вмещается, очевидно, и надежда на спасение раненого бойца. Опыт этих роковых и священных лет неизмеримо ценнее легкомысленных наставлений сына. Знаменательно, что С. Куняев освобождает героиню и от специфических забот, характерных для женской старости:

героиня «не шьет. Не стряпает. Не вяжет...» [2, с.110]. Причем это неделание объясняется не тривиальной усталостью, хотя и усталость названа, а тем, что женщина как бы получает благословение от обнаженной, оттаявшей земли. Так русская земля и русское небо настаивают на благотворности и творческой силе памяти.

Таким образом, в феноменах памяти и в феноменах забвения, как они представлены в лирике С. Куняева, перед нами открывается подлинное ядро эстетики и мировоззрения поэта. Память и забвение он осмысливает и как стихийные, произвольные начала человеческого духа, и как волевые, преднамеренные усилия человеческого разума. Благодаря памяти и забвению осуществляется животворная связь времен и восхождение человека к предельным основаниям собственной души и всего мироздания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Три века русской поэзии / Сост. Н.В. Банников. – М.: Просвещение, 1979. – С. 54.
2. Куняев С.Ю. Озеро безымянное. Книга стихов. – М.: Современник, 1983. – С. 38-217.
3. Куняев С.Ю. Избранные произведения. В 2-х т. Т.1. Стихотворения 1956–1975 / Вступ. статья Л. Барановой-Гонченко. – М.: Худож. Лит., 1988. – С. 8.
4. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память*. Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва, 1991. – С. 90.
5. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства. Письма о добром и прекрасном. – Москва, 1985. – С. 160-161.

REFERENCES

1. *Bannikov N.V.* Three epochs of Russian poetry. [Tri veka russkoy poezii]. Prosveschenie. 1979. P. 54. (in Russ.).
2. *Kunyaev S.Y.* Innominate lake. [Ozero bezymyannoe]. Sovremennik. 1983. Pp. 38-217. (in Russ.).
3. *Kunyaev S.Y., Baranova-Goncharenko L.* Selecta. [Izbrannye proizvedeniya]. Khudozhestvennaya literatura = Belles-lettres. 1988. V.1. P. 8. (in Russ.).
4. *Kubryakova E.S.* About one fragment of conceptual analyses of the word memory. Logical language analysis. Cultural concepts. [Ob odnom fragmente kontseptual'nogo analiza slova pamyat'. Logicheskiy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty]. 1991. P. 90. (in Russ.).
5. *Likhachev D.S.* The art of memory and the memory of art. Letters about something kind and pleasant. [Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva. Pis'ma o dobrom i prekrasnom]. 1985. Pp. 160-161. (in Russ.).

Информация об авторе

Исакова Алла Наумовна, аспирант, кафедра русской литературы, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия
isakova.alla@mail.ru

Получена: 18.04.2016

Для цитирования статьи: Исакова А.Н. Мотивы памяти и забвения в лирике С.Куняева. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 3. Часть 1. с. 184-186
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-184-186

Information about the author

Alla N. Isakova, Postgraduate student, Department of Russian Literature, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
isakova.alla@mail.ru

Received: 18.04.2016

For article citation: Isakova A.N. Causes of memory and forgetfulness in Kunyaev's lyric. [Motivy pamyati i zabveniya v lirike S.Kunyaeva]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 3. Part.1. Pp. 184-186
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-184-186